

399	0278-1	АЛЕКСАНДР ВЕРТИНСКИЙ	"Чужие города"	Часть 1 «Всё, что осталось»
400	0278-2	АЛЕКСАНДР ВЕРТИНСКИЙ	"Чужие города"	Часть 2 «О нас и о Родине»

"Чужие города" (Коренблит – Вертинский)

Часть 2 «О нас и о Родине»

1(24). Злые духи	- 3.02
2(25). Ненужное письмо	- 2.14
3(26). Осень	- 2.52
4(27). Чужие города	- 1.42
5(28). Недостроенный город детей	- 1.57
6(29). Китеж	- 2.13
7(30). Ад судьбы	- 2.11
8(31). О нас и о Родине	- 1.16
9(32). В снегах России	- 1.48
10(33). Иная песня	- 1.46
11(34). Салют	- 1.47
12(35). Птицы певчие	- 2.34
13(36). Отчизна	- 2.11
14(37). Пред ликом Родины	- 2.46
15(38). По дорогам Родины	- 1.36
16(39). Киев – родина нежная	- 1.46
17(40). Доченьки	- 1.52
18(41). У моих дочурок	- 1.51
19(42). Моей жене	- 2.28
20(43). На даче	- 2.17
21(44). „Собственная“ дача	- 1.33
22(45). Как жаль	- 1.05
23(46). Доченьки - 2	- 1.53
24(47). Чужие жизни	- 1.53
<i>Общее время звучания – 48.21</i>	
<i>Общее время звучания –100.21</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

1. Злые духи

Я опять посылаю письмо и тихонько целую страницы
И, открыв Ваши злые духи, я вдыхаю их сладостный хмель.
И тогда мне так ясно видны эти черные тонкие птицы,
Что летят из флакона — на юг, из флакона «Nuit de Noël».

Скоро будет весна. И Венеции юные скрипки
Распоют Вашу грусть, расстанцуют тоску и печаль,
И тогда станут легче грехи и светлей голубые ошибки.
Не жалейте весной поцелуев, когда зацветает миндаль.

Обо мне не грустите, мой друг. Я озябшая хмурая птица.
Мой хозяин — жестокий шарманщик — меня заставляет плясать.
Вынимая билетки счастья, я смотрю в несчастливые лица,
И под вечные стоны шарманки мне мучительно хочется спать.

Скоро будет весна. Солнце высушит мерзкую слякоть,
И в полях расцветут первоцветы, фиалки и сны...
Только нам до весны не допеть, только нам до весны не доплакать:
Мы с шарманкой измокли, устали и уже безнадежно больны.

Я опять посылаю письмо и тихонько целую страницы.
Не сердитесь за грустный конец и за слов моих горестных хмель.
Это все Ваши злые духи. Это черные мысли как птицы,
Что летят из флакона — на юг, из флакона «Nuit de Noël».

2. Ненужное письмо

Приезжайте. Не бойтесь. Мы будем друзьями,
Нам обоим пора от любви отдохнуть,
Потому что, увы, никакими словами,
Никакими слезами ее не вернуть.

Будем плавать, смеяться, ловить мандаринов,
В белой узенькой лодке уйдем за маяк.
На закате, когда будет вечер малинов,
Будем книги читать о далеких краях.

Мы в горячих камнях черепаху поймает,
Я Вам маленьких крабов в руках принесу.
А любовь — похороним, любовь закопаем
В прошлогодние листья в зеленом лесу.

И когда тонкий месяц начнет серебриться
И лиловое море уйдет за косу,
Вам покажется белой серебряной птицей
Адмиральская яхта на желтом мысу.

Будем слушать, как плачут фаготы и трубы
В танцевальном оркестре в большом казино,
И за Ваши печальные детские губы
Будем пить по ночам золотое вино.

А любовь мы не будем тревожить словами
Это мертвое пламя уже не раздуть,
Потому что, увы, никакими мечтами,
Никакими стихами любви не вернуть.

3. Осень

Холодеют высокие звезды,
Умирают медузы в воде,
И глициний лиловые гроздья.
Как поникшие флаги везде.

И уже не спешат почтальоны.
Не приносят твой детский конверт.
Только ветер с афишной колонны
Рвет плакаты «Последний концерт».

Да... Конечно, последний, прощальный,
Из моей расставальной тоски...
Вот и листья кружатся печально,
Точно порванных писем клочки.

Это осень меняет кочевья.
Это кто-то уходит навек.
Это травы, цветы и деревья
Покидает опять человек.

Ничего от тебя не осталось.
Только кукла с отбитой ногой.
Даже то, что мне счастьем казалось,
Было тоже придумано мной.

4. Чужие города

Принесла случайная молва
Милые, ненужные слова:
Летний сад, Фонтанка и Нева.

Вы, слова залётные, куда?!
Тут шумят чужие города,
И чужая плещется вода,
И чужая светится звезда.

Вас ни взять, ни спрятать, ни прогнать.
Надо жить, не надо вспоминать,
Чтобы больно не было опять,
Чтобы сердцу больше не кричать.

Это было, было и прошло.
Всё прошло, и вьюгой замело.
От того так пусто и светло...

Вы, слова залётные, куда?!
Тут живут чужие господа,
И чужая радость и беда.
И мы для них чужие навсегда!

5. Недостроенный город детей

Строили дети город новый
Из морских голубых камней.
Догорал над ними закат лиловый,
Замирал в лесу соловей.

И один сказал: «Мы тут вал нароем,
Никого не допустим к нам —
Ни людей, ни зверей, и дома построим
Мы для тех, кто без пап и мам!

А другой ответил: «Нас очень много,
Этот город нам будет мал.

А давайте мы лучше попросим Бога,
Чтобы он нас к себе забрал.

Мы из солнца костер разведем над небом,
Будем шапкой луну тушить
И Большую Медведицу черным хлебом
Будем мы по ночам кормить.

Там есть ангелы. Вроде как люди, но – птицы.
Пусть они нас научат летать...»
«А ты знаешь, что там надо много молиться,
А когда же мы будем играть?»

Это третий сказал. И добавил строго:
«Этим ангелам я не рад.
Вот они мне уже оторвали ногу —
Бомбу бросили с неба в ребят...»

Они замолчали. Умолк в печали,
Захлебнувшись от слез соловей.
И, шипя как змеи, волны смывали
Недостроенный город детей...

6. Китеж

Проклинали. Плакали. Вопили.
Декламировали: «Наша мать...»
В кабаках за возрождение пили,
Чтоб опять наутро проклинать...

А потом вдруг поняли. Прозрели.
За голову взялись. Неужели
«Китеж», воскресающий без нас?
Так-таки Великая? Подите ж...
А она, действительно, как Китеж,
Проплывает мимо ваших глаз.

И уже сердец людских мильоны
Ждут её на дальних берегах.
И уже пылают их знамёна
Ей навстречу в поднятых руках.

А она, с улыбкой и приветом
Мир несущая народам и векам,
Вся сияет нестерпимым светом,
Всё ещё невидимая вам!

1943, Шанхай

7. Ад судьбы

Нам осталось очень, очень мало.
Мы не смеем ничего сказать.
Наше поколение сбежало,
Бросило свой дом, семью и мать!

И, пройдя весь ад судьбы превратной,
Растеряв начала и концы,
Мы стучимся к Родине обратно,
Нищие и блудные отцы!

Что мы можем? Слать врагу проклятья?
Из газет бессильно узнавать,
Как идут святые наши братья
За родную землю умирать?

Как своим живым, горячим телом
Затыкают вражий пулемёт?
Как объятый пламенем Гастелло
Наказаньем с неба упадёт?

Мы – ничто! О нас давно забыли.
В памяти у них исчез наш след.
С благодарностью о нас не скажут «были»,
Но с презреньем скажут детям «нет»!

Что ж нам делать? Посылать подарки?
Песни многослёзные слагать?
Или, как другие, злобно каркать?
Иль какого-то прощенья ждать?

Нет, ни ждать, ни плакать нам не надо!
Надо только думать день и ночь,
Как уйти от собственного ада,
Как и чем нам Родине помочь!
1942

8. О нас и о Родине

Проплываем океаны,
Бороздим материки
И несем в чужие страны
Чувство русское тоски.

И никак понять не можем,
Что в сочувствии чужом
Только раны мы тревожим,
А покоя не найдем.

И пора уже сознаться,
Что напрасен дальний путь,
Что довольно улыбаться,
Извиняться как-нибудь.

Что пора остановиться,
Как-то где-то отдохнуть
И спокойно согласиться,
Что былого не вернуть.

И еще понять беззлобно,
Что свою, пусть злую, мать
Все же как-то неудобно
Вечно в обществе ругать.

А она цветет и зреет,
Возрожденная в Огне,
И простит, и пожалеет
И о вас, и обо мне!..

9. В снегах России

По снежным дорогам России,
Как стаи голодных волков,
Бредут вереницы немые
Пленных германских полков.

Не видно среди них командиров.
Навеки замкнуты их рты.
И жалко сквозь клочья мундиров
Железные блещут кресты.

Бредут сквозь донские станицы
Под дьявольский посвист пурги
И прячут угрюмые лица
От русского взгляда враги.

И холод, и жгучие раны
Терзают усталую рать,
И кличут в бреду капитанов,
И маршала просят позвать.

Но смерть в генеральском мундире,
Как маршал пред бывшим полком,
Плывет перед ними в эфире
На белом коне боевом.

И мстительный ветер Отчизны
Заносит в серебряный прах
Останки покойных дивизий,
Усопших в российских снегах.

И сквозь погребальную мессу,
Под вьюги тоскующий вой,
Рождается новая песня
Над нашей Великой Страной.
Февраль 1943. Шанхай

10. Иная песня

Скоро день начнется,
И конец ночам,
И душа вернется
К милым берегам

Птицей, что устала
Петь в чужом краю
И, вернувшись, вдруг узнала
Родину свою.

Много спел я песен,
Сказок и баллад,
Только не был весел
Их печальный лад.

Но не будет в мире
Песни той звончей,
Что спою теперь я милой
Родине своей.

А настанет время
И прикажет Мать
Всунуть ногу в стремя
Иль винтовку взять,

Я не затоскую,
Слезы не пролью,
Я совсем, совсем иную
Песню запою.

И моя винтовка
Или пулемет,
Верьте, так же ловко
Песню ту споет.

Перед этой песней
Враг не устоит.
Всем уже давно известно,
Как она звучит.

И за все ошибки
Расплачусь я с ней, -
Жизнь свою отдав с улыбкой
Родине своей.
1943

11. Салют

Небеса расцвечены алмазами,
Возжигает Родина огни.
Все о вас, родные сероглазые
Братья, драгоценные мои!

Все о том, уже бессмертном мужестве,
За которым восхищенный мир
Наблюдает со священным ужасом
Из своих разрушенных квартир.

Каждый раз за шторой затемнения
Из-за слез не отыскать окна, -
От восторга, гордости, волнения
Глубоко душа потрясена.

Этот праздник стал нас всех обязывать.
Мы должны трудиться выше сил,
Чтоб потом нам не пришлось доказывать,
Кто и как свою страну любил...
11.1943

12. Птицы певчие

Мы – птицы певчие. Поем мы, как умеем.
Сегодня – хорошо, а завтра – кое-как.
Но все, что с песнями на Родине мы сеем,
На ней произрастает в хлебный злак!

Без песни жить нельзя. Она нужнее хлеба.
Она в сердцах людей, как птица, гнезда вьет,
И с нею легче труд, и голубее небо,
И только с песней жизнь идет вперед.

Нас, старых, мудрых птиц, осталось очень мало,
У нас нет голосов, порой нет нужных слов,
Притом война, конечно, распугала
Обидчивых и нежных соловьев.

А мы... А мы поем! Дыханье нам не сперло,
От Родины своей нам незачем лететь.
Во все бесхитростное наше птичье горло
Мы будем радостно, мы будем звонко петь!

Мы – птицы русские. Мы петь не можем в клетке,
И не о чем нам петь в чужом краю.
Зато свои родные пятилетки
Мы будем петь, как молодость свою!

13. Отчизна

Я прожил жизнь в скитаниях без сроку.
Но и теперь еще сквозь грохот дней
Я слышу глас, я слышу глас пророка:
«Восстань! Исполнишь волею моей!»

И я встаю. Бреду, слепой от вьюги,
Дрожу в просторах Родины моей.
Еще пытаюсь в творческой потуге
Уже не жечь, а греть сердца людей.

Но заматают звонкие метели
Мои следы, ведущие в мечту,
И гибнут песни, не достигнув цели.

Как птицы замерзая на лету.

Россия, Родина, страна родная!
Ужели мне навеки суждено
В твоих снегах брести изнемогая.
Бросая в снег ненужное зерно?

Ну что ж... Прими мой бедный дар, Отчизна!
Но, раскрывая щедрую ладонь,
Я знаю, что в мартенах коммунизма
Все переплавит в сталь святой огонь.
1950

14. Пред ликом Родины

Мне в этой жизни очень мало надо,
И те года, что мне осталось жить,
Я бы хотел задумчивой лампадой
Пред ликом Родины торжественно светить.

Пусть огонек мой еле освещает
Ее лицо бессмертной красоты,
Но он горит, он радостно сияет
И в мировую ночь свой бледный луч роняет,
Смягчая нежно строгие черты.

О Родина моя, в своей простой шинели,
В пудовых сапогах, сынов своих любя,
Ты поднялась сквозь бури и метели,
Спасая мир, не веривший в тебя.

И ты спасла их. На века. Навеки.
С Востока хлынул свет! Опять идут к звезде
Замученные горем человеки,
Опять в слезах поклонятся тебе!

И будет мне великою наградой
И радостно, и драгоценно знать,
Что в эти дни тишайшею лампадой
Я мог пред ликом Родины сиять.

15. По дорогам Родины

По золотым степям, по голубым дорогам
Неповторимой Родины моей
Брожу я странником – веселым и убогим –
И с тихой песнею вхожу в сердца людей.

Идут года, тускнеет взор и серебрится волос,
А я бреду и радостно пою,
Пока во всех сердцах не прозвенит мой голос,
Пока не испою всю Родину мою.

О всех обиженных, усталых, позабытых

Напоминает миру песнь моя,
И много в ней людских мечтаний скрытых,
И много жалоб в книгу Бытия...
1950-е

16. Киев – родина нежная,

Киев – родина нежная,
Звучавшая мне во сне,
Юность моя мятежная,
Наконец ты вернулась ко мне!

Я готов целовать твои улицы,
Прижиматься к твоим площадям.
Я уже постарел, ссутулился,
Потерял уже счёт годам.

А твои каштаны дремучие,
Паникадила весны -
Всё цветут и как прежде, могучие,
Берегут мои детские сны.

Я хожу по родному городу,
Как по кладбищу юных дней.
Каждый камень я помню смолоду,
Каждый куст выростал при мне.

Здесь тогда торговали мороженым,
А налево была каланча!
Пожалей меня, Господи Боже мой,
Догорает моя свеча!
1956, Киев

17. Доченьки

У меня завелись ангелята,
Завелись среди белого дня!
Все, над чем я смеялся когда-то,
Все теперь восхищает меня!
Жил я шумно и весело — каюсь,
Но жена все к рукам прибрала.
Совершенно со мной не считаясь,
Мне двух дочек она родила.

Я был против. Начнутся пеленки...
Для чего свою жизнь осложнять?
Но залезли мне в сердце девчонки,
Как котята в чужую кровать!
И теперь, с новым смыслом и целью
Я, как птица, гнездо свое вью
И порою над их колыбелью
Сам себе удивленно пою:

«Доченьки, доченьки, доченьки мои!

Где ж вы, мои ноченьки, где вы, соловьи?»
Вырастут доченьки, доченьки мои...
Будут у них ноченьки, будут соловьи!

18. У моих дочурок

У моих дочурок много есть игрушек -
Целый деревянный коробок.
Мы читали книжку,
Мы поймали мышку.
Мы посадим мышку в башмачок.

Чтобы в шкаф не лазила,
Чтоб не безобразила,
Чтоб не грызла бабушкин сундук,
Чтобы книг не кушала.
Чтобы старших слушала
И не приводила к нам подруг.

Дочь сказала: «Папа,
У медведя лапа.
Кажется, распухла и болит...»
Я ответил сухо.
Пришивая ухо
Зайцу, у которого бронхит:

«Твой любимец Мишка -
Пакостный воришка:
Лижет в холодильнике он мед.
И, бродя по шкапу,
Отморозил лапу,
А теперь он плачет и ревет».

19. Моей жене

Девять лет. Девять птиц-лебедей,
Навсегда улетевших куда-то...
Точно девять больших кораблей.
Исчезающих в дымке заката.

Что ж, поздравлю себя с сединой,
А тебя — с молодыми годами,
С той дорогой, большой и прямой,
Что лежит, как ковер голубой,
Пред тобой. Под твоими ногами.

Я — хозяин и муж, и отец.
У меня обязательств немало.
Но сознаюсь тебе наконец:
Если б все начиналось сначала,
Я б опять с тобой стал под венец!

Чтобы ты в белом платье была,
Чтобы церковь огнями сияла,

Чтобы снова душа замерла
И испуганной птицей дрожала,
Улетая с тобой – в купола!

Уплывают и тают года...
Я уже разлюбил навсегда
То, чем так увлекался когда-то.
Пережил и Любовь, и Весну,
И меня уже клонит ко сну,
Понимаешь? Как солнце к закату!

Но не время еще умирать.
Надо Родине честно отдать
Все, что ей задолжал я за годы,
И на свадьбе детей погулять,
И внучат – писенят – покачать.
И еще послужить для народа.
1951, Краснодар

20. На даче

Хорошо в этой маленькой даче
Вечерами грустить о тебе.
Так по-детски, обиженно плачет
Маячок на зеленой губе.

И уходят в закатные дали
Золотые кораблики — сны.
Те, что в детстве когда-то пускали
Мы, играя, по лужам весны.

Скоро вспыхнут опалами ядра
Фонарей в предвечерней тени
И на реях японской эскадры,
Как на елках, зажгутся огни.

А вчера в кабаке у фонтана
Человек с деревянной ногой
Утверждал, что любовные раны
Заживают от пули простой.

И, смеясь над моими стихами.
После пятой бутылки вина
Говорил, заливаясь слезами.
Что его разлюбила жена.

«Понимаешь, сбежала с матросом!
Я калека, а он молодой!..»
Я подумал: такие вопросы
Не решаются пулей простой.

Но ему ничего не ответил.
Я молчал, улыбаясь тебе.

Где-то в море, печален и светел.
Ангел ночи пропел на трубе.

Да... Любовь- это Синяя Птица,
Только птицы не любят людей...
Я усну. Мне сегодня приснится
Мягкий шёлк твоих рыжих кудрей

21. „Собственная“ дача

Хорошо в этой „собственной“ даче
Бурной жизни итог подвести.
Промелькнули победы, удачи
И мечтаний восторги телячьи,
И надежды, как старые клячи,
Уж давно притомились в пути.

И сидишь целый день на террасе,
Озирая свой «рай в шалаше»...
Так немного терпенья в запасе,
Ничего не осталось в сберкассе,
Ничего не осталось в душе.

Но зато, если скинуть сорочку,
Взять лопату, залезть в огород,
Можно разбогатеть в одиночку,
Продавая клубнику в рассрочку,
И всего за какой-нибудь год!

Но, увы, мне нельзя нагибаться,
К сожаленью, мешает склероз...
И чего мне в навозе копать?
И вообще молодым притворяться
Мне давно очертело до слез!

22. Как жаль

Как жаль, что с годами уходит
Чудесный мой песенный дар.
Как жаль, что в крови уж не бродит
Весенний влюбленный угар.

И вот, когда должно и надо
Весь мир своей песней будить,
Какого-то сладкого яда
Уже не хватает в груди...

И только в забытом мотиве,
Уже бесконечно чужом,
В огромной, как век, перспективе
Мне прошлое машет крылом.

23. Доченьки - 2

Много русского солнца и света

Будет в жизни дочурок моих.
И, что самое главное, это
То, что Родина будет у них!
Будет дом. Будет много игрушек,
Мы на елку повесим звезду...
Я каких-нибудь добрых старушек
Специально для них заведу!

Чтобы песни им русские пели,
Чтобы сказки ночами плели,
Чтобы тихо года шелестели,
Чтобы детства забыть не могли!
Правда, я постарею немного,
Но душой буду юн как они!
И просить буду доброго Бога,
Чтоб продлил мои грешные дни!

Вырастут доченьки, доченьки мои...
Будут у них ноченьки, будут соловьи!
А закроют доченьки очень мои —
Мне споют на кладбище те же соловьи.
1945

24. Чужие жизни

Я всегда был за тех, кому горше и хуже,
Я всегда был для тех, кому жить тяжело.
А искусство мое, как мороз, даже лужи
Превращало порой в голубое стекло.

Я любил и люблю этот бранный и тленный.
Равнодушный, уже остывающий мир,
И сады голубые кудрявой вселенной,
И в высоких надзвездях синий эфир.

Трубочист, перепачканный черною сажей.
Землекоп, из горы добывающий мел.
Жил я странною жизнью моих персонажей,
Только собственной жизнью пожить не успел.

И, меняя легко свои роли и гримы.
Растворяясь в печали и жизни чужой,
Я свою — проиграл, но зато Серафимы
В смертный час прилетят за моею душой!